

УДК 140.8 + 291.16 + 343.972

РАДИКАЛИЗМ – РАДИКАЛЬНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ – ТЕРРОРИЗМ. СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ИЛИ СТОЛКНОВЕНИЕ ИДЕАЛОВ?

Смылова В.Н.

ФГБОУИ ВО «Московский государственный гуманитарно-экономический университет», Москва,
e-mail: veramysh@mail.ru

В статье рассматриваются идеологические основы и обобщенная характеристика радикализма, радикального экстремизма, терроризма. Устанавливается взаимосвязь указанных явлений в виде триады: «радикализм» – «радикальный экстремизм» – «терроризм». Работа имеет междисциплинарный характер, написана на стыке основ философии религии, террологии как формирующейся отрасли социальной философии, и криминологии. Анализ указанных явлений осуществляется через критическую оценку положений концепции С. Хантингтона о столкновении цивилизаций. Автором делается вывод о том, что проявления радикализма, радикального экстремизма и терроризма представляют собой не столкновение цивилизаций, а столкновение идеалов, присущих представителям разных мировых религий. Обосновывается мысль о необходимости выработки новой системы ценностных ориентаций, новой национальной идеи.

Ключевые слова: радикализм, радикальный экстремизм, терроризм, исламизм, идеология, цель, национальная идея, идеалы, идеология, идейная одержимость, столкновение цивилизаций, столкновение идеалов

RADICALISM – RADICAL EXTREMISM – TERRORISM. A CLASH OF CIVILIZATIONS OR A CLASH OF IDEALS?

Smyslova V.N.

Moscow State Humanities and Economics University, Moscow, e-mail: veramysh@mail.ru

The article deals with the ideological foundations and the generalized characteristic of radicalism, radical extremism, terrorism. A connection between these phenomena as a triad: «radicalism» – «radical extremism» – «terrorism». The work has an interdisciplinary character, written at the junction of the foundations of the philosophy of religion, as an emerging industry terrologii social philosophy and criminology. Analysis of these phenomena through a critical assessment of the concept S. Huntington's clash of civilizations. The author concludes that the manifestations of radicalism and radical extremism and terrorism are not the clash of civilizations, but a clash of ideals inherent in representatives of different world religions. Substantiates the idea of the need for a new system of value orientations, the new national idea.

Keywords: radicalism, radical extremism, terrorism, Islamism, the ideology, the purpose of the national idea, ideals, ideology, ideological obsession, a clash of civilizations, a clash of ideals

Идею можно докультивировать до культа

С.Е. Лец

Актуальность работы обусловлена ростом террористической деятельности экстремистски настроенных лиц, групп, организаций. Феномен терроризма тесно связан с такими явлениями, как радикализм, радикальный экстремизм.

Целью настоящей работы является анализ понятий триады «радикализм» – «радикальный экстремизм» – «религиозный терроризм» через призму положений концепции С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций».

Понятием «радикализм» (от латинского *radix* – корень) определяются социально-политические идеи и действия, направленные на наиболее кардинальное, решительное («радикальное», «коренное») изменение существующих социальных и политических институтов. В современном употреблении, радикализм означает, прежде всего, выра-

женное стремление к решительным, «корневым» идеям, а затем и к методам их достижения, и к связанным с этими идеями соответствующим действиям [7, с. 119–120].

М. Я. Яхъяев предлагает следующее определение радикализма: «Радикализм – тип социальной практики или деятельности, основанный на крайних, предельно агрессивных идеологиях и чрезвычайных, решительных действиях, направленных на коренное изменение существующей социально-политической системы или ситуации» [8].

Вторая половина XIX столетия и весь XX век прошли под знаком радикально-революционных идеологий. Радикализм – это явление общественной жизни, которое рождается в переломные моменты, когда общество готово к принятию крайних идей, осознает необходимость перемен.

В литературе встречается употребление термина «радикализм» в качестве синонима понятия «экстремизм». Это не вполне точное словоупотребление: между данными понятиями существует определенная разница.

В отличие от экстремизма, радикализм фиксируется, прежде всего, на содержательной стороне тех или иных («корневых», крайних, хотя и не обязательно «экстремальных») идей и, во вторую очередь, на методах их реализации. Радикализм может быть исключительно «идейным», а не действенным, в отличие от экстремизма, который всегда бывает действенным, но не всегда идейным. Радикализм склонен к использованию насильственных методов и средств, чаще всего не соответствующих публично декларируемым целям. Тогда он может прямо смыкаться с экстремизмом и перерастать в него, находя свое конкретное, практически-политическое выражение в разных формах политического терроризма. Благоприятной социально-психологической почвой для радикализма считается состояние всеобщей неуверенности и нестабильности [7, с. 120].

Термин «экстремизм» (от французского *extremisme* и латинского *extremis* – крайний) стал активно использоваться с начала XX века. После окончания холодной войны, по утверждению В.Н. Панина, – «экстремизм стал крупнейшей международной проблемой, он не имеет национальных особенностей, характеризуется усилением жестокости и безоглядности действий экстремистов. Появление глобального информационного пространства увеличило вероятность дальнейшего роста экстремизма, он стал принимать всё более разрушительные формы» [8].

Обычно понятие «экстремизм» означает приверженность в политике и идеологии крайним взглядам и действиям. Психологически это продолжение и дальнейшее развитие радикализма [7, с. 124].

К экстремизму приводят различные факторы: социально-экономические кризисы, резкое падение жизненного уровня значительной части населения, деформация политических институтов и структур власти, их неспособность решать назревшие проблемы общественного развития, тоталитарный характер политического режима, подавление властями оппозиции, преследование инакомыслия, национальный гнет, стремление отдельных групп ускорить решение своих задач, политические амбиции лидеров и т.д. [7, с. 124].

И. Ожегов и Н.Ю. Шведова определяют экстремизм как приверженность к крайним взглядам и мерам. В политической психологии экстремизм рассматривается как приверженность в идеях и политике крайним взглядам и действиям [7, с. 739].

В идеологическом плане экстремизм отрицает всякое инакомыслие, стремясь как

можно жестче утвердить свои политические, идеологические или религиозные взгляды, навязать их своим оппонентам практически любой ценой, доходя до «идейной одержимости» [7, с. 128]. В этом смысле можно говорить, что имеет место проповедование не религии, а религиозной идеологии.

Практически всем разновидностям экстремизма, помимо насилия или его угрозы, присущи «одномерность, однобокость в восприятии общественных проблем, в поиске путей их решения; фанатизм, одержимость в стремлении навязывать свои принципы, взгляды оппонентам; бездумное, беспрекословное выполнение всех приказов, инструкций; опора на чувства, инстинкты, предрассудки, а не на разум; неспособность к толерантности, компромиссам, либо игнорирование их» [7, с. 128].

«Экстремист, исходя из некоторых представлений о мире и обществе, убежден в необходимости осуществления своих представлений в реальной жизни. В. Амелин утверждает: «Экстремист собственные цели ставит выше общепринятых ценностей. Стратегия поведения рассматривается им как реализация высших ценностей, до которых основная масса населения еще не доросла. Характерной чертой экстремизма является поэтому «черно-белый» взгляд на политический процесс, жесткое противопоставление «своих» – приверженцев новой системы ценностей» [7, с. 136].

Экстремизм выступает основой идеологических доктрин терроризма.

Религия оказывает мощное влияние на формирование мировоззрения людей. И в системе иерархии ценностей ислама религия занимает первое место. И одной из разновидностей террористических действий исходя из мотива выделяют религиозный, и, прежде всего исламский экстремизм. Необходимым элементом этой системы является крайняя нетерпимость к инакомыслию, а также ко всякого рода сомнениям и колебаниям, перерастающая в убеждение, что нормальный, полноценный человек просто не может видеть вещи в ином свете, чем тот, который открывается благодаря обладанию абсолютной истиной. Однако, поскольку на практике исключение инакомыслия оказывается невозможным, возникает другой важнейший компонент экстремистской мотивационной системы – идея обращения инакомыслящих в единственно истинную веру. Это возможно двумя способами – путем мирной пропагандистской или миссионерской деятельности, либо с помощью всех возможных, в том числе насильственных средств. Второй путь в пределе ведет к терроризму [10].

Одним из факторов, вызывающих терроризм, являются присущие определенной среде идеи. Религиозные взгляды позволяют лидерам террористических организаций легче вербовать новых сторонников и подводить под их действия идеологическую базу.

Движущей силой терроризма в современной России является совокупность самых разнообразных факторов – политических, социально-экономических, психологических и духовных. В ряду этих факторов, по мнению З.Ш. Матчановой, особое место занимает религиозный фактор. Связано это, прежде всего с тем, что Российская Федерация представляет собой не только уникальное многонациональное государство с весьма сложной национальной и этнической структурой, но и является государством многоконфессиональным, в котором сосуществуют все мировые религии и самые разнообразные религиозные течения [4].

Н.В. Остроухов, анализируя особенности конфессиональной ситуации в России, полагает, что религиозные различия в их нынешней форме существенно осложняют конфликтную среду в полиэтнических государствах (в том числе, и в нашей стране), а также отмечает, что мобилизационный потенциал различных конфессий оказался в настоящее время очень востребованным: «Наиболее отчетливо тенденции к реанимации политического значения религии просматриваются в исламе. Происходящее в последние десятилетия усиление роли и влияния в мировых делах политизированного ислама (исламизма) сделало его важным фактором современной геополитики. Этот процесс сопровождается возникновением экстремистских политических течений, противоречащих духу традиционного ислама и проповедующих насильственные формы политической борьбы, включая террористические. Указанный факт способствовал наблюдающейся в последние годы активизации международного терроризма [4].

В науке выделяют такое понятие как «исламизм». Ведущий российский исламовед А. Игнатенко считает, что «исламизм – это идеология и практическая деятельность, направленная на реализацию проекта по созданию политических условий для применения исламских (шариатских) норм во всех сферах человеческой жизнедеятельности». Для большинства ученых различие между исламом как религией и исламизмом как идеологией очевидно [5, с. 41].

Радикальные идеологии имеют глубокие социальные, культурно-политические, а также интеллектуально-психологические корни.

В подтверждение этому рассмотрим одну из характеристик взрослой, состоявшейся личности, которой Г. Олпорт считает наличие «цельной жизненной философии», когда «взрослый человек способен выделять самое значимое, сущностное в своей жизни, главную цель, имеет систему ценностей и принципов, в соответствии с которой живет» [9, с. 31]. В противовес выделяют лиц с так называемым «синдромом незрелости» со свойственным им нежеланием саморазвития, необходимостью меняться, «расти над собой». Саморазвитие, достоинство перестают быть ценностью и не воспринимаются ими как средство самоопределения и жизнеобеспечения [9, с. 483]. У этих людей трансформируются идеалы, ценности, «картина мира» в целом. Инфантилизм, плохая ориентация в характеристиках других людей, «растяжима толерантность», эгоизм, зависимость от современных технологий, отсутствие четких целей и идеалов – вот портрет человека с «синдромом незрелости». Американский психолог В. Франкл утверждал, что современный человек «страдает от глубокого чувства утраты смысла, которое соединено с ощущением пустоты» [5, с. 45].

По причине идеологической слабости требования исламистского движения расплывчаты. Как правило, даже у самих активистов отсутствуют конкретные политические требования на будущее [7, с. 141]. Не случайно на вопрос о том, что движет человеком в жизни, Патриарх Московский и всея Руси Алексей II в ходе «Бесед на переломе тысячелетий» ответил: «Цель. Ясная цель, которую каждый из нас должен наметить себе непременно... Он должен ее достигать, потому что иначе жизнь превратится в бессмыслицу» [3, с. 102].

С какой целью боевики запрещенного в России «Исламского государства» («ИГИЛ») уничтожают древние культурные памятники, библиотеки и музеи? Эти действия, по их мнению, базируются на положении о том, что сооружения являются идолами и не соответствуют идеологии истинно исламской культуры, где присутствует запрет на создание любых скульптур, изваяний и изображений, и человек не должен поклоняться никому, кроме Бога. Однако, памятники представляют собой культурное и историческое наследие, дань прошлому. Поэтому в их варварском, бессмысленном по общечеловеческим меркам, уничтожении, в продаже античных статуэток, фрагментов мозаики можно усмотреть духовную ущербность, и трактовать как торговлю идеалами, или духовностью, к которой лидеры боевиков так активно призывают.

Более того, И.В. Мацевич и С.А. Семедов указывают, что сторонники политических религий могут вообще не быть верующими людьми в традиционном смысле: они не исполняют предписаний своей конфессии, не придерживаются обрядов. Они исповедуют не религию, а религиозную идеологию [5, с. 46].

Несмотря на критическое отношение к социалистической идеологии, в середине 90-х годов в России на государственном уровне пришли к выводу о необходимости становления национальной цели и национального идеала, которые, по мнению В.Н. Кузнецова могут быть объединены как идеал-цель, цель-идеал [3, с. 102].

В основе глобальной стратегии XXI века для формирования эффективного реагирования на вызовы, опасности и риски должно лежать становление новой российской объединяющей государственнической патриотической идеологии, к основным ориентирам которой В.Н. Кузнецов относит: «культуру патриотизма, законность для Всех, демократию для Всех, образование для Всех, благополучие для Всех, безопасность для Всех, справедливость для Всех, необходимый и достойный идеологический компромисс» [3, с. 102–103].

Поддерживает необходимость становления в России национальной идеи и генеральный директор ВЦИОМ В. Федоров. При этом он подчеркивает, что необходима не государственная идеология, которая может привести к разрушению государства и общества, а именно национальная идея.

А можно ли прогнозировать развитие глобальных конфликтов?

Ответ на этот вопрос был предложен в 1993 г. американским политологом С. Хантингтоном в рамках разработанной им концепции «Столкновение цивилизаций».

Понятие цивилизации определяются наличием общих черт объективного порядка, таких как язык, история, религия, обычаи, институты, а также субъективной самоидентификацией людей.

Согласно выдвинутому Хантингтоном предположения, международные отношения в XXI веке будут определяться взаимодействием не национальных государств, а цивилизаций. Основным конфликтом будущего станет конфликт западной и незападных цивилизаций [2, с. 35]. XXI столетие представлено как время религиозных войн между христианами и мусульманами [3, с. 66].

Определяя собственную идентичность в этнических или религиозных терминах, люди склонны рассматривать отношения между собой и людьми другой этнической принадлежности и конфессии как отноше-

ния «мы» – «они», «свой» – «чужой», «плохой» – «хороший».

С. Хантингтон полагал, что столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями, по его мнению, – это и есть линии будущих фронтов. Грядущий конфликт между цивилизациями – завершающая фаза эволюции глобальных конфликтов в современном мире.

Несмотря на утверждение С. Хантингтона о том, что конфликт между цивилизациями неизбежно должен прийти на смену идеологическим и другим формам конфликтов, мы видим, что налицо столкновение идеалов исламизма с идеалами иных религиозных учений и основ мироустройства.

По мнению А.И. Неклессы (в рамках рассуждения о смысле проблем XXI века в связи с террористическим актом 11 сентября 2001 г. в США) в случае с терактом в США цивилизация столкнулась с «сетевыми идеологически ориентированными террористическими организациями» [3, с. 62]. И на протяжении всей человеческой истории идеи ведут между собой непримиримую борьбу [1, с. 144].

Тем не менее, 2001 год прошел под знаком Диалога Цивилизаций. Кроме того, приобретение Россией статуса наблюдателя в Организации Исламская конференция, по мнению президента Египта М. Мубарака, будет способствовать ниспровержению теории противостояния цивилизаций и культур: «В наших общих интересах дать происходящему точную оценку, не подпадая под влияние упрощенных концепций» [6].

Примером можно назвать действия президента Украины В. Януковича, который попробовал изменить баланс идентичностей в противоположную сторону, отменив одиозные решения о «героизации» Шухевича и Бандеры. Эти действия привели к мобилизации «бандеровского» Запада страны и были восприняты там как вызов со стороны «москальского» Востока [1, с. 145]. Поэтому Дибиров А.З., Белоусов Е.В. полагают, что «на Украине идет война не за территорию, а за идею» [1, с. 144–145].

В заключении стоит еще раз отметить, что в настоящее время радикализм, радикальный экстремизм, терроризм представляют угрозу не отдельно взятому государству или народу, но и всему человечеству. По сложившемуся в литературе мнению, борьбу с этими явлениями необходимо вести как военным способом, так и идеологическим.

Ярким примером тому может служить внесение изменений в Федеральный закон от 25.07.2002 N 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) «О противодействии экстремистской дея-

тельности». Статья 3.1. «Особенности применения законодательства Российской Федерации о противодействии экстремистской деятельности в отношении религиозных текстов» закрепляет положение о том, что Библия, Коран, Танах и Ганджур, их содержание и цитаты из них не могут быть признаны экстремистскими материалами.

Учитывая сетевой характер идеологии и практики международного терроризма, российская объединяющая государственная патриотическая идеология (идеология консолидации) может обеспечить предотвращение разрушающих, агрессивных действий терроризма и связанных с ним радикализма и экстремизма [3, с. 138].

Список литературы

1. Дибиров А.З., Белоусов Е.В. Война идентичностей // Вестник Института социологии. – 2014. – № 11. – С. 127–147.
2. Комлева Н.А. Концепция столкновения цивилизаций: прагматический аспект // Пространство и Время. – 2011. – Вып. 2. – С. 35–37.
3. Кузнецов В.Н. Социология идеологии: учебное пособие / В.Н. Кузнецов. – М.: КДУ, 2009. – 380 с.
4. Матчанова З.Ш. К вопросу о религиозном факторе распространения терроризма в России // «Правовая инициатива». 2014. – № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://49e.ru/ru/2014/2/16> (дата обращения: 07.01.2016).
5. Мацевич И.В., Семедов С.А. Политические религии в современном мире // Вестник Института социологии РАН. – 2012. – № 4. – С. 35–49.
6. Мубарак: как опровергнуть теорию конфликта цивилизаций. РИА Новости. 2004. 29 мая. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://ria.ru/politics/20040529/600739.html#ixzz3w62BqpW8> (дата обращения: 15.12.2015).
7. Ольшанский Д.В. Психология терроризма. Издательство: Питер, 2002. – 215 с.
8. Похилько А.А. Экстремизм и радикализм как политологические категории: понятийно-терминологический аппарат [Текст] / А.А. Похилько // Молодой ученый. – 2013. – № 11. – С. 738–742.
9. Сапогова Е.Е. Экзистенциальная психология взрослости. – М.: Смысл, 2013. – 767 с.
10. Чурков Б.Г. Мотивационные и идейные основы современного терроризма / Психологи о терроризме («круглый стол») // Психологический журнал. – 1995. – № 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://psyfactor.org/lib/terror10.htm> (дата обращения: 05.01.2016).